

Е.Р. Сквайрс

Ганзейские грамоты как языковое свидетельство по истории Новгорода Великого.¹

Вводные замечания.

Исследователями новгородской истории, в особенности международных торговых и дипломатических связей Новгорода, единодушно признается особое значение письменных источников, сохранившихся со стороны его зарубежных партнеров. Описанию источниковедческой базы посвящено значительное внимание в фундаментальных трудах по истории Новгорода, здесь же мы ограничимся лишь ссылкой на это общее мнение словами Е.А.Рыбиной в ее недавно вышедшей книге: «Количество письменных документов иноземного происхождения, хранящихся в архивах Любека, Гданьска, Риги, Таллинна, Тарту и других городов, значительно превышает отечественный материал такого рода».²

В использовании письменных источников ограничения различного рода, в том числе по языку или по местонахождению, нередко являются следствием исторически сложившихся условий в данной отрасли науки на конкретной стадии ее развития. Преодоление этих ограничений - необходимая задача, к решению которой подталкивают и естественный процесс общего расширения знаний и потребности пополнения фактологической базы, и необходимое сложение усилий специалистов разных стран в рамках развивающегося международного сотрудничества.

Однако работа с текстами отдаленных исторических периодов достаточно сложна сама по себе, даже в том случае, если речь идет о языке, соответствующем исторической специализации историка, или о его родном языке. Историческая «Новгородика» показала немало примеров сотрудничества историков и археологов с лингвистами.

Иноземные источники – это не только древнерусские документы, труднодоступные в связи с их местонахождением в архивных собраниях различных стран, но, как правило, тексты, составленные на других языках и потому требующие перевода. От исследователя, обращающегося к работе с иноземными источниками, потребуется

¹ В докладе использованы материал и результаты исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 11-01-00099а); в статье приняты следующие сокращения: двнем. – древневерхненемецкий; дсакс. – древнесаксонский; лат. – латинский; свнем. – средневерхненемецкий; сннем. – средненижненемецкий; FENNE – Hammerich, L.L./Jakobson, R. (1970): Toennies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1967. Copenhagen. Vol.I: ; Vol.II: 1970; Vol.III: 1985; Vol.IV: 1986; LUB – Lübeckisches Urkundenbuch. Hrg. von dem Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck, 1843-1873; RB – Falowski, Adam (1993): "Ein Rusch Boeck...": ein russisch deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Hrsg. A. Falowski. Köln: Weimar: Wien, 1993.

² Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. Раздел «Об источниках». С. 13.

многократное расширение его лингвистических компетенций или же привлечение к сотрудничеству специалистов в различных филологических областях.

Проблема, однако, состоит не только в том, чтобы прочитать письменный текст на иностранном языке. Помимо этих вполне очевидных трудностей иноземные источники обладают принципиальной особенностью, которая связана с тем, что они созданы в условиях культурно-ментального и языкового контактов.

Во-первых, это письменные свидетельства, оставленные иностранцами, для которых культурная и политическая среда Новгорода была чужой. Иностранные купцы и путешественники, как не раз выяснялось, могут неверно воспринимать эти незнакомые им реалии, ошибочно отождествляя их с теми или иными реалиями родной среды и с их обозначениями на своем родном языке.

Во-вторых, даже если иностранные авторы понимали своеобразие русского окружения и не смешивали встречавшиеся им новые реалии и явления с теми, которые были знакомы им на родине, то в их родном языке могло не оказаться готовых средств (слов и выражений) для адекватной передачи этих понятий. Стремясь найти для этого выразительные средства в своем родном языке, они оказывались перед творческой задачей выработки новых слов и выражений, языковых новообразований, которые развивали и обогащали этот язык. Речь идет, следовательно, о том, что язык иностранных свидетелей истории Новгорода находился в состоянии языкового контакта, в результате которого он претерпевал изменения. Причем дело далеко не ограничивалось заимствованием отдельных слов: нижненемецкий язык текстов, написанных в Новгороде или в контексте новгородских дел Ганзы, обладает целым рядом лексических, грамматических, синтаксических особенностей, которых у него нет «дома» или в текстах, связанных с западными торговыми партнерами.³

Для пополнения новгородских исследований иноземными или – в контексте данного сообщения, – иноязычными источниками, адекватно и правильно истолкованными для исторических задач, необходимо учитывать целую иерархию аспектов контактного процесса, к которым относятся: языковая ситуация в сфере ганзейско-новгородских отношений, социально обусловленные факторы функционирования языка,

³ Эту большую и сложную тему, лингвистическую по существу, можно здесь только упомянуть. Интересующиеся языковой стороной проблемы бытования нижненемецкого языка в условиях торгово-дипломатических связей с Новгородом могут обратиться к ряду работ, в которых она подробно разобрана: *Скварц Е.Р.* Ганза и Русь: модель языкового контакта. // Славяно-германские исследования. Т. I-II. Отв. ред. А. Гугнин, А. Циммерлинг. М., 2000. С. 436-540; *Она же, Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002; *Она же.* Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt. Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. Heft 129 (2006) S. 43-87; *Она же.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. (Niederdeutsche Studien. Schriftenreihe der Kommission für Mundart- und Namenforschung des Landschaftsverbandes Westfalen-Lippe. Hrg. Jürgen Macha. Band 53.) Böhlau Vlg. Köln, Weimar, Wien, 2009.

прагматические установки участников межъязыковой коммуникации и, наконец, взаимодействие конкретных языковых систем, значение и функции возникающих в его результате новых языковых единиц.

Языковая ситуация и база источников.

Важность иноземных (иноязычных) письменных свидетельств возросла не в последнюю очередь в связи с трагическими утратами в отечественных архивных и других собраниях, которые в Новгороде особенно пострадали от исторических катастроф последних столетий, в первую очередь опустошений последней войны.

Однако и в перечисленных выше зарубежных хранениях, как показали изыскания, проведенные в 90-х гг.,⁴ именно в отношении Новгорода существуют значительные пробелы, также связанные с военными потерями и обусловленными войной перемещениями.

В свете этих источниковедческих проблем особенно важно иметь возможно более полную картину традирования и распространения рукописных документов в системе средневековых канцелярий с тем, чтобы охватить все существующие редакции и разнообразные по назначению и языковому исполнению списки, переводы и другие формы существования письменного свидетельства.

Для понимания особенностей языка и процессов традирования письменных источников по новгородской истории в канцеляриях немецких городов, необходимо учитывать ряд исходных условий и особенностей, характеризующих взаимодействие языков в ситуации торгово-дипломатических связей с Ганзой. Общему изучению языковой ситуации (составу языков, участвующих в контактах, и их роли во взаимодействии) и социолингвистических условий (в первую очередь жанровым особенностям текстов, определяющим степень, направление и характер влияния), в которых протекали языковые контакты в Новгороде, посвящены подробные исследования, изложение которых здесь было бы невозможно. Поэтому ограничимся краткой формулировкой основных положений, необходимых для правильного подхода к конкретным языковым аспектам.

1. Новгородцы пользовались в своей практической деятельности, к которой относится и торговля с Ганзой, исключительно древнерусским языком, который служил в Новгороде языком официально-делового письма. В городах Ганзы

⁴ Автору оказала в этом вопросе большую помощь ее ученица С.Н.Шевченко (Фердинанд), которая установила в процессе работы над своей научной темой, что известные из литературы адреса местонахождения оригинальных документов частично не соответствуют современной ситуации.

бытовал средневековый нижненемецкий, автохтонный язык северных областей Германии Основным же языком в письменных жанрах в начальный период контактов (XII-XIII в.) остается – как и везде в Западной Европе, – латинский язык. Имевший место языковой контакт включал, таким образом, древнерусский, латинский, а с XIII в. – нижненемецкий языки (в меньшей степени - верхненемецкий в источниках Тевтонского/Ливонского Ордена).

2. Очевидно, что в русско-ганзейских связях рассчитывать на латинский язык в качестве языка переговоров не приходилось, в распоряжении партнеров были только их родные языки, притом одна из сторон должна была взять на себя задачу овладения языком партнера в такой степени, которая была бы достаточна для того, чтобы объясняться во время совершения торговых сделок, а также и для ведения устных дипломатических переговоров и официальной переписки, для составления договорных текстов, которые были бы юридически действительны для обеих сторон. Поскольку для русской стороны до определенного времени (не ранее второй пол. XIV в.) исключительное использование древнерусского языка в сфере дипломатических отношений с Ганзой было принципиальным условием, связанным с религиозными и правовыми аспектами, эту роль языковых посредников взяли на себя ганзейские инстанции, осуществлявшие устный и письменный перевод и переписку через своих профессиональных толмачей и переводчиков.
3. Эта особенность обусловила новгородскую специфику протекания языковых влияний: в направлении от древнерусского языка и русской дипломатики к нижненемецкому языку грамот Ганзы в Новгороде, а не наоборот (черты влияния в противоположном направлении сводятся в основном к лексическим трансферентам, возможным и в сфере устного общения). В результате этого взаимодействия нижненемецкие грамоты несут в себе отличительные черты на уровне языковой системы и структуры текста, отличающие их от внутриганзейских и зарубежных западных текстов Ганзы.
4. Эти русские черты в языке немецких текстов различаются в зависимости от хронологии, типа инстанции и других внеязыковых факторов, вследствие чего возможна реконструкция по этим языковым признакам исторических обстоятельств, неизвестных и неустановимых иным путем.

Нижненемецкие источники, таким образом, составлялись исключительно ганзейской стороной, и этим обусловлена первая из вышеуказанных их особенностей: в них зафиксированы взгляд немецких партнеров, их понимание и их словесное

представление, ограниченные целым рядом внеязыковых установок и требований. Далее, как мы видим, тексты этих немецких канцеляристов часто вторичны по отношению к древнерусским и всегда пишутся под влиянием взаимодействия с русской стороной. Для лингвиста важно, что это доброкачественные с точки зрения нижненемецкого языка тексты. Для историка же (несмотря на то, что это свидетельство как бы «чужих глаз» и «с чужих слов») представляет интерес тот факт, что многочисленные переводы утраченных древнерусских документов являются большим и очень ценным резервом, который должен быть максимально полно включен в состав источников.

Иерархию русских и ганзейских письменных источников, относящихся к определенному историческому событию, можно продемонстрировать на примере того, какими рукописными источниками документирован Нибуров мир 1392 г. – один из важнейших договоров Новгорода с немцами.

Таблица 1. Этапы рукописной традиции договора 1392 г. (Нибурова мира)

Этапы письменной традиции		Материал	Язык	Наличие печатей	Провенанс	
0	[Проект] [Посольская грамота]		[друсс.] [ndt./lat.]			
1	Оригиналы	Перг.	друсс.	печати	Новгород	
		Перг.	друсс.	печати	Висбю	
2	Списки	L	Перг.	друсс.	б/печатей	Любек
		АБВ	Перг.	друсс.	б/печатей	[Ревель]
3	Переводы	L	Бумага	ннем.	б/печатей	Любек
		R1	Бумага	ннем.	б/печатей	Ревель
		R2	Перг.	ннем.	б/печатей	Ревель [1405]
		L2	Перг.	ннем.	б/печатей	Любек
4	Список L в Речессе из Дерпта R		ннем.		[Дерпт]	

Прежде всего, в соответствии с обычной процедурой обсуждения и заключения договоров между ганзейцами и Новгородом, должны были существовать тексты «нулевого цикла» – проекты и посольские поручения, содержащие пункты, предлагаемые послами для включения в договор, однако в случае посольства Иоганна Нибура в Новгород они не сохранились (строка «0» в таблице). В результате переговоров миссии Нибура с новгородцами был принят окончательный текст договора, составленный, как указано выше, по существовавшей традиции на древнерусском языке.⁵ Две русские

⁵ Подробнее вопрос перевода в ганзейско-новгородской дипломатической практике освещен в ряде работ: Сквайрс Е.Р. Ганза и Русь: модель языкового контакта...; Она же, Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...; Она же. Die Hanse und Novgorod...; Она же. Die Hanse in Novgorod...

грамоты этого договора, заверенные печатями, существовали соответственно у каждой из сторон, ганзейской и новгородской. Это – оригинальные экземпляры договора, о существовании которых свидетельствуют различные письменные высказывания,⁶ однако сами эти оригиналы не сохранились (в таблице строка 1). К счастью, этими двумя грамотами традиция содержащегося в них текста не ограничилась. Все дальнейшие ганзейские экземпляры, указанные в таблице, представляют собой копии и переводы, не заверенные печатями. Прежде всего, немецкая сторона имела списки оригинала на русском же языке, изготовленные для участвовавших в переговорах ганзейских городов. Указанные в договоре города-участники, таким образом, представляют собой наиболее вероятные адреса, по которым возможно местонахождение рукописей какого-либо документа, аналогичного Нибурову миру в жанровом и коммуникативно-прагматическом отношении:

her Johan nyebûr van lubeke vnde her hinrik van vlanderen vnde her godeke kûre van gotlande boden van ouer see her Tideman van der nyenbrûggen van der Righe her hermen kegheler vnde her Wynold klinkrode van Darpte vnde her Gherd Wicke van Reuele boden dessijt der see von des meynen kopmannes weghene...(пук. L).

Сравнив этот зачин договора в нижненемецкой рукописи L (в таблице в строке 3) с данными таблицы, можно сделать вывод, что в посольстве были представлены два «заморских» города (*van ouer see*) – Любек и Висбю, - и три «посюсторонних» (расположенных «по эту», то есть новгородскую, сторону моря: *dessijt der see*) города Рига, Дерпт и Ревель. Списки древнерусского текста на Западе имелись, как мы видим, у магистратов Любека и Ревеля. Ограничивалось ли этим копирование русского договора, или же отсутствие рижского и дерптского списка следует рассматривать как лауну в рукописной базе, точно сказать трудно.⁷ Если верно второе, то можно в принципе надеяться на обнаружение в будущем двух недостающих списков; возможно, однако, что русские тексты были переданы только Любеку и Ревелю, где они были переведены для общности этих немецких городов. Именно в этих двух городах хранились до недавнего времени нижненемецкие тексты договора (см. в строке 3). Кроме того, на

⁶ Например, на обороте рукописи R1 сделана помета, сообщающая, что данная рукопись является переводом русской грамоты (*ys Rusch, dat gesad int Dudesche* «(грамота) русская, в переводе на немецкий»), сделанным с русского оригинала, а этот русский оригинал скреплен печатями и находится в Висбю (*Dessen Ruschen breff holden de heren van Godlande vorzegeld* «эту русскую грамоту с печатями хранят ратманы Готланда»)

⁷ Упомянутый Валком современный русский список А из Рижского архива был, судя по сходству записи на обороте (см. предыдущее примечание), связан с ревельской немецкой рукописью R1 (т.е. R1 являлась переводом с А?); ГВНП, №46.

собиравшемся по итогам посольства съезде ганзейских городов в Дерпте был принят рецесс (итоговый документ немцев), в котором текст договора еще раз приведен полностью.⁸

Для создания надежной базы текстов необходимо привлечение всех имеющихся рукописей, что облегчит восполнение возникших в различные эпохи пробелов, а также значительно расширяет возможности изучения особенностей языкового поведения составителей текстов и связи между структурно-языковыми особенностями источников и внеязыковыми – то есть историческими, – обстоятельствами их создания. Последнее, по сути, означает реконструкцию исторических фактов на основе языкового анализа, о которой еще будет сказано ниже.

В отношении ряда документов выявлено их новое местонахождение, и для задач, стоящих перед лингвистическим исследованием, стало возможно обращение к оригиналу. Однако эта работа только начата, и необходимо продолжить перепроверку и пополнение сведений о местонахождении документов в архивах и библиотеках. Имея в виду приведенное выше высказывание Е.А.Рыбиной, отметим, что в сферу поиска должны быть включены не только архивы, так как тематически близкие перемещенные рукописные архивные материалы могут находиться сегодня как в архивах, так и в библиотечных собраниях. Ярким примером этому могут служить любекские рукописи различных редакций Новгородской скры, которые, как удалось установить, в настоящее время рассредоточены между тремя различными собраниями различных городов и даже стран: РГАДА в Москве, РНБ в Петербурге и архивом г. Любека.⁹

Дополнительные источники: вторая грамота Ярослава.

Результатом такой работы может быть не только приведение устаревших данных об источниках в соответствие с сегодняшним положением, но и обнаружение новых, не известных науке источников. Примером, подкрепляющим эти надежды, может послужить случай со «второй грамотой Ярослава».

Грамота Ярослава, самый ранний из сохранившихся договоров Ганзы с Новгородом Великим 1269 г. на нижненемецком языке, является важнейшим историческим документом, отмечающим начало эпохи расцвета торгово-дипломатических связей Новгорода с Западом. Историки и источниковеды высказывали различные оценки

⁸ См. HR, Abt. I, Bd. IV, Nr. 45. Поправки и обновленные сведения об экземплярах и их местонахождении приведены в *Squires C. Die Hanse in Novgorod...* S. 223-224. Указанные в таблице с одной и той же сиглой L древнерусский список и нижненемецкий перевод Нибурова мира действительно хранились в Любеке вместе; в настоящее время они находятся в Москве (РГАДА), оформленные как отдельные единицы хранения.

⁹ *Squires C. Die Hanse in Novgorod...* S. 219, 221, 222, 224, 231, 234, 235.

как самой этой грамоты, так и ее латинского текста (проекта) 1268 г. Отсутствие печатей на грамоте и словесного указания в тексте на скрепление печатями и на исполненный обряд крестоцелования заставило многих исследователей сомневаться, был ли заключен договор 1269 г. и не остановились ли переговоры на стадии проекта. Точка зрения скептиков опирается на оценки издателей грамоты, например: «Грамота без признаков заверения; является, по небезосновательному предположению Сарториуса, переводом русского оригинала»,¹⁰ или «незаверенная рукопись [грамоты] на пергамене, очевидно, перевод»,¹¹ откуда логически вытекает оценка, приведенная С.Н.Валком в его издании 1949 г.: «Проект договорной грамоты» и «Список на пергамене» (ГВНП, № 31). Поскольку, к сожалению, древнерусский оригинал договора не сохранился, спор о подлинности грамоты и о том, представляет ли она текст заключенного договора или всего лишь проект, не получал разрешения. Подытоживая дискуссию, Е.А.Рыбина высказалась в пользу признания подлинности¹² договора, и, указывая на возможность, что пробелы в тексте могли возникнуть в ходе его перевода, переносит проблему в филолого-лингвистическую плоскость.¹³ Действительно, на основе анализа языка нижненемецкой грамоты и ее формульного состава, а также внешнего вида и анализа всех имеющихся рукописных источников по данному договору оказалось возможным продвинуть дискуссию, причем в направлении положительного решения.

Историко-правоведческая оценка,¹⁴ согласно которой проектом должен считаться латинский текст, тогда как нижненемецкий является согласованным вариантом договора, подтверждается филологическими данными о том, что при переговорах и заключении договоров использовались древнерусские тексты, которые лишь после заверения переводились ганзейской стороной на немецкий язык. Таким образом, о том, что договор 1269 г. достиг стадии заключения и вступил в силу, свидетельствует само наличие его немецкого перевода.

Анализ лексики и специфических юридических формул нижненемецкой грамоты подтвердил факт ее вторичности по отношению к некоему оригиналу на древнерусском языке, несмотря на невозможность обратиться непосредственно к этому оригиналу для сравнения. Изучение многочисленных договоров Ганзы с Новгородом XIII-XV в.

¹⁰ «Urkunde ohne Zeichen einer Beglaubigung, nach Sartorius'... nicht unwahrscheinlichen Vermutung eine Übersetzung des russischen Originals» (LUB. I, Nr. 317. 1843: 299).

¹¹ «unbeglaubigte Ausfertigung auf Pergament, wohl Übersetzung» (HUB. I, Nr. 665. 1876: 233).

¹² Речь идет, разумеется, не о возможной подделке, а о том, содержит ли грамота договор, вступивший в силу, или лишь какой-нибудь предварительный текст.

¹³ Рыбина Е.А. Иноземные двory в Новгороде XII-XVII вв. М., 1986. С. 37.

¹⁴ Tobien E.S. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Bd. I: Die Prawda Russkaja und die ältesten Traktate Russlands. Dorpat-Leipzig, 1843.

показало,¹⁵ что в результате перевода в нижненемецкий формуляр заимствовались (калькировались) формулы и выражения, характерные для русских грамот. В грамоте Ярослава такими специфическими признаками являются формула *comen uppe dhes koninges hant, des bor[ch]greuen vnde al dher nogardere* «приезжать на княжей руке (= под защитой князя), (под защитой) посадника и всех новгородцев» (в отличие от формулировки проекта *protectionem et pacem habebunt mercatores predicti* «упомянутые купцы пользуются защитой и правом...»). Выражения *unse rechticheit* «наша правда» (ср. в проекте *eorum justitia et libertas*), *dhutschen sonen* «немецкие сыны (т.е. купцы)», а также *setten in de pogarden*, буквально «сажать в погреб» (то есть заточать в тюрьму) являются русизмами, типичными для текстов Ганзы, происходящих из Новгорода. Из древнерусского оригинала происходит выражение «латинский язык» для обозначения западных партнеров: *aller latinscher tunge*. Эти и другие языковые признаки, а также уточненная по сравнению с проектом топо- и гидронимика Новгорода (ср. *in dher uolkov* «на реке Волхов» вместо общего указания лат. *ad torrentem* «у реки», *aldagen* «Ладожское озеро» и *ketlingen* «остров Котлин» вместо общего *in regno nogardiensium* «в новгородском княжестве») является надежным указанием на переводной характер грамоты и на то, что ее написанием завершалась целая цепь этапов согласования, переговоров и принятия договора. Эти признаки представляют собой те трансферентные русские явления, о которых говорилось выше в пунктах 3 и 4; ниже будут приведены примеры подобных же фактов в других текстах.

Следует отметить, что в дискуссии по вопросу о подлинности договора Ярослава не затрагивались палеографические характеристики рукописи, а в послевоенное время она была недоступной для такого анализа в силу неизвестности ее местонахождения. В начале 2000-х г. палеографическое изучение оригинала нижненемецкой грамоты, находящегося в настоящее время в РГАДА (прежнее место хранения – Архив г. Любека), и оценка ее внешнего вида не оставили сомнений в том, что характер письма, декор и другие ее особенности соответствуют признакам, типичным для многочисленных договорных грамот, признанных (несмотря на их вторичный, переводной характер) в ганзейских городах в качестве подлинных документов. Таким образом, языковые признаки («русские» формулировки немецкого текста) и внешний вид и особенности письма грамоты говорят в пользу того, что ее место в традировании договора соответствует

¹⁵ Сквайрс Е.Р. Ганза и Русь... С. 436-540; Она же, Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород... С. 155-206; Она же. Neues zur Text-, Handschriften- und Sprachgeschichte der niederdeutschen Jaroslav-Urkunde von 1269. In: „Was liegt dort hinterm Horizont?“ Zu Forschungsaspekten in der (nieder)deutschen Philologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von Prof. Dr. Irmtraud Rösler. Hrsg. von Ingmar ten Venne. (Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft; 12) Rostock, 2002. S. 187-200.; Она же. Die Hanse in Novgorod... S. 195.

третьей строке в таблице рукописных версий Нибурова мира – позиции нижненемецкого перевода, сделанного немецкой стороной с древнерусского оригинала или его списка. Но если это можно считать в достаточной мере доказанным, то правомерен и вопрос о том, ограничилось ли воспроизводство Ярославовой грамоты лишь одним немецким экземпляром?

Следуя принципу, согласно которому списков могло быть по числу участников переговоров, отмечаем, что в тексте грамоты Ярослава упомянуто два ганзейских города, представленных посольством и участвовавших в заключительной части договора:

... vn(de) mit dheme dhutschen boden Henrike wllenpunde uan Lubeke. mit ludolue dobriciken. vn(de) Jacobe curinge dheme goten ...

...и с немецким послом Генриком В(у)лленпундом от Любека, с Лудольфом Добрицикеном и Якобом Курингом, готландцем...

Как видим, наряду с Любеком назван также Готланд, о котором, правда, не сказано, что Якоб Куринг находился здесь «от Готланда» - он лишь назван готландцем. Тем не менее, поскольку историки твердо называют его договором с Любеком и Готским берегом,¹⁶ и вряд ли есть основания сомневаться в полноправном участии Готланда в его заключении, (тем более, что в Висбю в XIII в. находится ганзейская судебная инстанция для решения спорных вопросов, которая лишь с конца XIII в. переносится в Любек, но и тогда делами Петрова подворья в Новгороде управляют совместно Любек и Висбю¹⁷). Скорее всего, Висбю располагал русской грамотой договора, но она так же, как и экземпляр Новгорода, не сохранилась. Не располагая ни готландскими, ни новгородскими рукописями договора, можно, однако, предполагать, что в процессе перевода на немецкий язык мог быть создан не один экземпляр, а два или более. В случае с Нибуровым миром объяснимым оказалось даже наличие двух самостоятельных переводов как в Любеке, так и в Ревеле. Один из любекских экземпляров (рук. L) идентичен в языковом отношении тексту из Дерптского рецесса (рукопись R), то есть выполняет функцию сохранения правовой информации, наличие же второго перевода можно объяснить необходимостью иметь версию для публичного оглашения перед горожанами, слегка адаптированную для этой цели.¹⁸

Таким образом, и для грамоты Ярослава важным доказательством ее юридической силы было бы наличие других немецких экземпляров. Действительно, в том же фонде

¹⁶ См., например, в списке торговых договоров Новгорода с Ганзой: *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 303.

¹⁷ *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода... С. 193-194.

¹⁸ Подробный сравнительный анализ переводов Нибурова мира, на основании которого было сделано это предположение, дается в: *Сквайрс Е.Р.* Особенности языка нижненемецких переводов договоров Ганзы с Новгородом (Нибуров мир 1392 г.) // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2001. № 4. С. 72-81.

РГАДА обнаружилась фотокопия другой рукописи того же содержания, что и известный договор 1269 г. Сравнение обеих грамот показало, что их тексты идентичны; имеются лишь различия в фонетике, графике, а также ошибки переписчика, на основании которых можно было сделать заключение, что одна из грамот послужила непосредственным образцом для второй.¹⁹ Этот источник оказался вне поля зрения историков Ганзы в Германии, так как он покинул Любек в качестве подарка Петербургской Академии наук от синдика г. Любека д-ра Иоганна Карла Генриха Дрейера в 1761 г., то есть задолго до того времени, когда создавались многотомные издания ганзейских грамот.²⁰ В России публикация Е. А. Рыдзевской 1935 г., посвященная этой грамоте,²¹ к сожалению, не привлекла достаточного внимания для того, чтобы исправить тот удивительный факт, что для всей историографии Ганзы существовала только одна, любекская, грамота Ярослава.

Существование второй грамоты Ярослава можно было, как мы видели, предполагать на основании существовавшей в ганзейских городах практики традирования договоров с Новгородом. Это означает, что возможны и другие открытия, связанные с обнаружением неизвестных рукописных свидетельств. К таким важным задачам относится и поиск оригинала второй грамоты Ярослава, которая пока известна пока только в виде фотокопии 1930-х гг.²²

Адреса распространения русско-ганзейских источников

Примеры Нибурова мира и грамоты Ярослава свидетельствуют о том, что знание специфики языковой ситуации и протекания языковых контактов в Новгороде позволяет определить направление поисков дополнительных письменных источников. Круг городов и рукописных собраний, где можно было бы предположить существование новгородско-ганзейских актов, определяется, исходя из географии связей Новгорода. Названные во вступительной части города Любек, Гданьск, Рига, Таллин, Тарту должны несомненно

¹⁹ Издание текста с вариантами см. в: *Skvairs E. Neues zur Text-, Handschriften- und Sprachgeschichte der niederdeutschen Jaroslav-Urkunde von 1269...* S. 187-200; подробный анализ расхождений в: *Squires E. Die Hanse in Novgorod...* S. 194-204.

²⁰ Известная грамота Ярослава, оставшаяся в родном Любеке, считалась единственным списком договора. Издание Сарториуса с уже цитировавшимся описанием вышло в 1830 г., (*Sartorius G.F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. Hrg. S.N. Lappenberg. Bd. 1-2. Hamburg, 1830*), которое в 1843 г. используется в упомянутом уже труде по истории права (*Tobien E. S. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechte...* S. 84), и в том же году рукопись была опубликована в собрании грамот города Любека (LUB I, Nr. 317). Это же издание грамоты «в виде длинного пергаменного свитка без признаков заверения» воспроизводится в собрании ливонских актов (LECUB I, Nr. 414) и у Валка в 1949 г. (ГВНП, № 31).

²¹ *Рыдзевская Е. А. Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5-6. С. 118-127.*

²² Поиски оригинала подаренной Дрейером грамоты пока не увенчались успехом: судя по ясно различимым на фотокопии штампам, грамота находилась в Академии наук СССР, в Институте книги, документа, письма, просуществовавшем до сер. 1930-х гг. Дальнейшие следы ее теряются, во время поисков автора в архивах и собраниях Санкт-Петербурга в 2001 г. ее обнаружить не удалось.

рассматриваться в качестве таких адресов. Однако можно было бы назвать еще многие города, имевшие связи и торговавшие с Новгородом, и этот список требует уточнения, в том числе и с точки зрения языковых процессов.

Перечень называемых обычно городов складывается из свидетельств различного характера. Например, известно, что в числе городов-основателей общины новгородской фактории числятся Висбю, Любек, Зост и Дортмунд. В эти четыре заинтересованных города сдавались на хранение ключи от сундука с документами, печатью, казной и другим имуществом на то время между летними и зимними сменами, когда Петрово подворье пустовало. К этим городам вскоре присоединились Рига, Ревель и Псков, откуда ганзейские купцы приезжали в Новгород сухопутным маршрутом. Позднее в торговые связи Ганзы с Новгородом включается Нарва, затем прусские (Эльбинг) и так называемые вендские города (то есть немецкие города колонизованных бывших славянских территорий) во главе со Штральзундом.²³

Другим критерием для отбора может служить упоминание в корреспонденции, касающейся жизни Петрова подворья и ведения дел с Новгородом. Здесь на раннем этапе фигурируют те же Висбю, Любек, Зост и Дортмунд, затем упоминания городов западной четверти (Зост и Дортмунд) исчезают, уступая названиям Риги, Ревеля и Нарвы в качестве родины обитателей подворья, встречается также упоминание Данцига. Таким образом, круг участвующих городов, составленный по историческим данным и по упоминаниям в корреспонденции, примерно одинаков. Однако в качестве ориентира для пополнения общего корпуса источников, важны не столько родные города купцов, занятых торговлей с Новгородом, сколько магистраты, которые обеспечивали организационную поддержку этой торговли, а в ней на первом месте для нас стоит ведение переписки, составление проектов, переводов и другие виды работы, имеющие прямое отношение к созданию письменных источников.

Как мы видели на примере договоров, рукописные тексты размножались в границах этого коммуникативного круга, да и внутри него архивные материалы могли откладываться далеко не во всех городах. Это можно показать на примере анализа корреспонденции, относящейся к теме русско-ганзейских связей. Всего к исследованию

²³ Деревянные панели из церкви св. Николая в Штральзунде изображают русских, занятых бортничеством и охотой на пушного зверя, сцену перед воротами Петрова подворья (см. цветные иллюстрации в *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...*). Этим достаточно условным изображением (ок. 1400 г.), вместе с деревянным гербом подворья, хранящимся в Историко-художественном музее Любека, практически исчерпывается современная иконография ганзейского присутствия в Новгороде. Панелями, как полагают, были отгорожены в церкви места, отведенные общине штральзундских купцов, торговавших в Новгороде (Novgotrodfahrer).

привлекалось 85 писем,²⁴ в том числе (1) послания русской стороны ганзейцам и наоборот, (2) корреспонденция Петрова подворья с городами Ганзы, (3) переписка между ганзейскими городами по поводу Новгорода. Внизу в таблице перечислена в качестве примеров часть списка всей корреспонденции.

Таблица 2. Участие городов Ганзы в переписке по поводу новгородской торговли.

1. 1331: Bericht der hansischen Gemeinde in Novgorod an den Rigaer Rat.		
2. 1366: Die zum Hansetag in Lübeck versammelten Kaufleuten - an den Peterhof.		
3. 1406: Schreiben der hansischen Gemeinde über das Inventarium der St. Peterskirche.		
4. 14091: Ein Schreiben von Riga an Reval.		
5. 14092: Schreiben der hansischen Gemeinde in Novgorod an [Dorpat].		
6. 14093: Schreiben der hansischen Gemeinde in Novgorod an Reval.		
7. 14094: Schreiben der Stadt Riga an Reval.		
8. 1412: Schreiben der Stadt Dorpat an Reval.		
9. 1416: Die livländischen Städte an Lübeck, Wisby und das hansische Kontor in Brugge.		
10. 1417: Der Dorpater Rat teilt dem Revalschen zwei Schreiben aus Novgorod mit.		
11. 14211: Schreiben der Stadt Riga an Reval.		
12. 14214: Schreiben von Dorpat an Reval.		
13. 14215: Schreiben der Stadt Dorpat an Reval.		
14. 14216: Brief der in Novgorod anwesenden jungen Kaufleuten nach Reval.		
15. 14217: Schreiben des Dorpater Rats an Lübeck und Wisby.		
16. 1426: Brief des Lübecker Rats an den von Dorpat.		
17. 1438: Schreiben von Lübeck an Danzig,		
18. 1442: Schreiben des Ordensmeisters an Reval		
19. 1448²: Schreiben von Lübeck an die livländischen Städte		
20. 1468: Schreiben aus Riga nach Reval.		
21. 1473: Der Rat von Riga den von Lübeck.		
22. 1489: Schreiben der Hansen in Novgorod an Dorpat		
23. 1489: Schreiben des Hansekontors in Novgorod an Dorpat		
24. 1514⁵: Der Rat von Narwa an den von Reval и т.д.		
	Всего по городам:	
	Reval	26
	Dorpat	25
	Lübeck	15
	Riga	13
	Wisby	3
	Danzig	1
	Narva	1
	Brugge	1

Во врезке в нижней части таблицы приведены количественные подсчеты: выясняется, что в обмене письменными посланиями (в роли как адресата, так и адресанта) активнее всех участвуют Ревель и Дерпт, меньшая доля переписки приходится на Любек и Ригу, тогда как Висбю сильно отстает от ганзейской метрополии и трех балтийских центров. Данциг и Нарва представлены лишь единичными письмами, как и фламандский ганзейский город Брюгге. Что же касается Эльбинга, Штральзунда и других вендских городов, и даже Зоста и Дортмунда, сыгравших активную роль в становлении торговли с Новгородом, то все эти города не участвовали в создании русско-ганзейских текстов. Этот пробный анализ показывает, что архивные материалы этой переписки

²⁴ Здесь использован корпус источников, лежащий в основе исследования, проведенного в *Squires E. Die Hanse in Novgorod...*; он включает около 170 текстов различных жанров и представляется автору достаточно репрезентативным, хотя, безусловно, не претендует на исчерпывающую полноту.

должны были сосредоточиваться в зарубежных собраниях первых четырех городов, в меньшей степени – в Висбю. Данциг же известен лишь как пересылочная инстанция для ганзейской корреспонденции. Картина этого первоначального провенанса впоследствии, как уже сказано, была в значительной степени искажена из-за утрат и перемещений Второй Мировой войны.

Языковые трансференты: за и против историка.

Анализ значительного материала нижненемецких грамот и их русских прототипов показал, что при переводе этих насыщенных формульностью текстов переводчик следовал принципу не «от слова до слова» (*van worden to worden*), как нередко утверждается в самих этих грамотах, а «от формулы к формуле». Генетическая близость между западной латинской дипломатической традицией немецких канцелярий и греко-византийской линией, к которой восходит русская дипломатика, проявляется в наличии значительного ассортимента аналогичных формул и текстоструктурных черт. Благодаря этому родству переводчик располагает готовыми вариантами для перевода. В качестве примера такого типологически обусловленного сходства может служить формула «безо всякой хитрости»: ср. в латинском *sine impedimento* и немецком *sunder jenigerleie behendycheit unde hindernitze* с одной стороны, и русские варианты *безъ хитрости / без пакости* – с другой. Эти формулы в трех языках объединяет внешний и семантический изоморфизм, одинаковая функция и позиция в структуре текста грамоты. В то же время, как мы видим, формула может существовать в виде нескольких вариантов, причем различия в семантике взаимозаменяемых слов (*behendycheit, hindernitze* и др. и *impeditio* с одной стороны, и русских вариантов *безъ хитрости / без пакости*) не отражается на значении формулы в целом и ее роли в тексте.

С филологических позиций вариантность является неотъемлемой обратной стороной формульной природы языка различных средневековых жанров, в том числе и юридических. Однако для историка, прибегающего к интерпретации текста для решения исторических задач, формульный стиль письменных источников может представлять трудность и приводить к ошибкам в том случае, если он попытается толковать текст буквально, не учитывая жанровых особенностей его языка. Наглядным примером этого может служить вариантность лексем (с формулами дело обстоит аналогично): так, если ганзейский канцелярист употребляет безо всяких различий в одном и том же тексте, касающемся англо-ганзейских отношений, аналогичные латинские выражения *et navem Philippi* и *et cogam Johannis* («и корабль Филиппа/Иоганна»), а в русско-ганзейском контексте взаимозаменяемыми являются обозначения торгового судна лат. *naues*

(*mercatorum*) «корабли (купцов)» и (*venit*) ***lodia*** «(подходит) ладья», то мы имеем здесь дело с варьированием внутри двух пар лексем, употребленных синонимично. Но совершенно ясно: из этого историк не должен сделать вывод, что ганзейская морская коча (лат. *coga*) и русская речная ладья – это одна и та же реалья. Напротив, различия этих типов судов, принадлежавших к тому же противоположным партнерским сторонам, были ясны для ганзейцев и новгородцев, которые именно потому и заимствовали друг у друга специфические технические обозначения (ср. сннем. *lodia* и русск. *коча* < сннем. *cogge*), что не находили для них точного слова в своем родном языке.

Заимствование формул, разумеется, представляет собой более сложное явление, однако и здесь верно, что в синонимичных вариантах одной и той же формулы нивелируются нюансы семантических различий отдельных лексем, и что однотипные по смыслу, форме и функции формулы могут варьировать как внутри одного языка, так и при переводе с одного языка на другой. Последнее и есть перевод «от формулы к формуле».

Особый случай представляют формулы и выражения, представляющие своеобразие формуляра и дипломатического языка одного из языков. При отсутствии аналогичной формулы в языке перевода может происходить заимствование недостающей, но необходимой формулы. Результатом заимствования, свидетельствующим о русском влиянии, являются приведенные выше примеры из грамоты Ярослава, а также, например, формула крестоцелования, последовательно вошедшая в узус ганзейских переводчиков как обязательная для русских партнеров формула заверения. Приведем пример из уже рассматривавшегося выше Нибурова мира, о котором нам известно, что в ганзейских канцеляриях было сделано несколько самостоятельных нижненемецких переводов.

В русском тексте заключительная часть содержит традиционную формулу крестоцелования:

*На томъ Яковъ, да Иванъ из Любка, да ГригорЪй, да Иванъ из Гоцкого берега
хрестъ ѿБловаль про тьи товаръ, безъ хитрости*

Немецкие переводы показывают, что формулу считали обязательной для воспроизведения все три переводчика:

... *so heft [de borchgreve...] dat cruce kusset* (L);

... *hebbe wy dat cruce gekusset...* (R1),

... *hebben dat crusse dar upp gekusset...* (R2).

На основании употребления этой формулы можно уверенно отнести любой содержащий ее нижненемецкий текст к русскому корпусу ганзейских грамот, так как за пределами этого контекста она не употреблялась.

Языковые приемы, при помощи которых производится перенос (заимствование, трансференция) единиц языка грамот в язык-цель, можно разделить на (1) перевод, то есть замену единицы на уже имеющуюся эквивалентную единицу языка-цели, (2) собственно заимствование (лексема *lodia*, из русского), (3) калькирование (то есть замену отдельных составных частей на соответствующие элементы другого языка как бы «под кальку» (*хрестъ ѿБловаль* > *hebben dat crusse gekusset; latinsche tunge* < русское формульное обозначение западных партнеров «латинский язык»)).

Одно и то же понятие может оформляться в языке грамот (в данном случае – в нижненемецком языке грамот) вариантами, полученными всеми тремя способами. Например, договор может обозначаться:

1. путем перевода, то есть одним из собственных нижненемецких эквивалентов *frede, bref* (древнее заимствование из латыни), *fredebref, byvrede, eninge, eyndracht* и др.;
2. заимствованным словом *composicie* (из латинского);
3. калькой *bestand* (с латинского *composicie*) или *crucekussinge* (с русского «крестоцелование»).

Обозначения реалий социально-политической сферы.

Социальная сфера зарубежного города-партнера представляет собой систему, частично аналогичную родному социально-политическому контексту, из которого прибывали на Русь купцы и члены дипломатических миссий немецких городов Ганзы, частично же она содержала реалии, элементы и нюансы, представляющие местное своеобразие Новгорода. Кроме того, передача номенклатур социально-политической сферы при переводе на другой язык – это задача, которая не сводится к установлению простой системно-логической корреляции между двумя списками терминов. В особенности ситуация дипломатических взаимоотношений, необходимость поддерживать благоприятные условия для торговли накладывают на языковое поведение чужеземных гостей и ганзейских канцелярий различные ограничения, связанные с требованиями политики, общей политкорректности и этикета.

Способы передачи названий новгородские должностных лиц.

Для обозначения новгородских должностных лиц используются те же три способа их передачи на нижненемецкий язык: перевод, заимствование и приема ганзейцы, как правило, пользовались кальками или переводом, реже происходило непосредственное заимствование русских лексем в нижненемецкий язык. При этом способы перевода и заимствования отражают принципиально различное отношение к передаваемому понятию. Если перевод по сути представляет собой подбор родного слова для чужой реалии, при котором своя и чужая реалии признаются аналогичными или одинаковыми, то заимствование знаменует признание столь существенных различий между родной и чужой реалиями, при которых родное слово не может адекватно передать смысл чужого термина. Крайний случай выхода из таких затруднений представляют собой описательные обозначения: фактически их употреблением признается невозможность передать одним словом понятие чужого языка.

Таблица 3. Способы передачи названий новгородские должностных лиц

Должностное лицо	Способ передачи			
	Заимствование	перевод	калька	описательный
Новгородский архиепископ		(ertze)biscop bisscop «(архи)епископ»	deme hilghen heren ertzbisscobe «святому владыке архиепископу», deme wygeden bisschope «святому епископу»	
князь (новг.)		kon(n)ink «князь, король»		grote koning «великий князь»
-!- (моск.)		grothforst «великий князь»	grote herr «вел. господин», de grote konyng von Moskowe «вел. князь Московский» 1487: grothe her keyszer «вел. господин и князь»	
посадник	podsadnicke	borchgreve, borgermester		
тысяцкий	tysadtzeke	hertogh		
наместник	namestnick(e) a(a)mesnicke, mesenick	(Орден: hovetman, stadesvaget, mundschenke)		
пристав	pristave, prestave	radtsdiener (Schroue)		ahnsende person (RB)
боярин	bojar(e), boyerne			eddelmahn «благородный муж» (Fenne,

				RB)
весь Новгород		to gemenen Naugarden		

Hs. **L**: *Her Johan Nyebur van Lubeke unde [folgen Namen], **boden** van dessiit der see,[..], sint ghewesen to Nowgharden **vor uns**, also **deme borchgreven** Thimofe Jurjevitze unde [folgen Namen] unde **vor dem meynen heren van Nougarden**, unde **deghedinngheden aldus**:...*

Hs. **R1**: *Hyr is gekomen Iwan Nybur van Lubeke **bodewys**, [folgen Namen] ... **to dem podsadniken** Timoffe Jurgewitz unde [folgen Namen] unde **to allen Groten Nowerdes**, unde **bodeschopten** alzo:...*

Hs. **R2**: *Hir is gekomen her Johan Neibur van Lubeke, [folgen Namen]. Desse syn gewesen **vor boden to Nougarden van des gemeynen copmanns** wegene van **der Dudeschen hense**,.. unde hebben gesproken myt **dem borchgreven van Nougarden** Tymofei Jurjevitze, [folgen Namen] unde **myt gantzen gemeynen Nougarden**, unde hebben geworven:...*

Hs. **L2**: *Hir ys gekome(n) her Johan nybur van lubeke...(folgen die Namen der anderen Boten)... van Revall **bode(n)** vp dusser zijd der zee van **des gemenen copmans** wege(n) zind geweß to Nougarde(n) vor unß alen **den borchgreuen** Timophei Juriwitz **dem h(er)toge mikit(en) foderwitze vnd vor den gem(enen) h(e)r(en) van grot naugard(en) vnd dedinged ald(us)**.*

Употребление приведенных в таблице обозначений в нижненемецких текстах в отношении местных должностных лиц и похожих реалий подчиняется названному выше принципу «перевод / заимствование / калька». Ганзейские переводчики, очевидно, обычно не затрудняются в подборе немецкого эквивалента для обозначения князя, посадника и тысяцкого. В пределах показанного выше варьирования находится перевод в рукописи R1. Выше упоминалось, что этот перевод, скорее всего служил для точного воспроизведения положений договора, с чем связано скорее всего, сохранение в нем русских терминов (то есть имеет место заимствование). Поскольку в корпусе неоднократно встречаются *kon(n)ink*, *borchgreve* и *hertogh*, можно считать их регулярными, принятыми в практике переводчиков, не видящих, очевидно принципиального различия между соответствующими официальными должностями в Новгороде и у себя дома. Напротив, для бояр (как представителей властных структур города) очевидных эквивалентов, кажется, не находилось (если признать слово *eddelmahn* описательным). Никаких затруднений не вызывает обозначение новгородских архиепископов, которые также регулярно фигурируют в договорных грамотах и письмах. Пристав и наместник названы заимствованными русскими словами, немецкий эквивалент для обозначения наместника

употребляется только в текстах Ордена, для приставы – в разговорнике Томаса Шrove. Разговорники вообще, как видно из этого ограниченного материала, стоят в стороне от писцовых традиций, разработанных в канцеляриях купеческих городов. Понятие «весь Новгород» трактовалось собирательно, как обозначение некоего единства: аналогично, словосочетанием *de getene cortan*, обозначалась в грамотах Ганза как юридическое объединение купеческих городов.

Особые случаи употребления немецких обозначений в отношении русских лиц

Поскольку Ганза не была представлена и не управлялась каким-либо специальным властно-административным органом, можно полагать, что и в отношении Новгорода какой-либо конкретный орган в последнем рассмотренном случае не имелся в виду. В ряде случаев, однако, мотивы такого прямого переноса не столь ясны, например, ганзейские тексты содержат немецкие социальные термины, смысл употребления которых в отношении русских должностных лиц не вполне понятен. Например, достаточно редкий случай представляет слово *olderman* в договоре 1342 г. В немецких контекстах этот термин служит для обозначения одного из старейшин общины, в том числе и купеческой фактории в Новгороде. В русском тексте он, кажется претерпел переосмысление:

Aldus heuet ge endighet de biscop · van nougarden vn(de) de Namestenicke fodere · des groten koninges vn(de) de hertighe Astaphie · vn(de) de olderman Cider

Так dokonчали епископ Новгородский, наместник великого князя Федор, тысяцкий Астафий и староста (?) Сидор...

В этом случае языковую сторону можно прояснить со стороны исторических знаний об упомянутом персонаже, участвовавшем в скреплении данного договора.

Другим термином с не вполне ясной семантикой в русских контекстах немецких грамот является слово *here*, несмотря даже на многочисленные случаи его употребления. Понимание его значения особенно важно для интерпретации трудных мест в грамотах, связанных с изучением вопроса о социальных институтах Новгорода.

Об употреблении нижненемецкого *here* в отношении русских лиц.

Известный контекст из письма обитателей Петрова подворья магистрату города Риги с жалобой на притеснения новгородцев 1331 г., к которому неоднократно обращались историки, содержит выражение *der heren rade*, которое трактовалось как

обозначение «совета господ», особого органа управления в Новгороде.²⁵ Поскольку речь идет о важнейшем свидетельстве для политической истории Новгорода, представляется полезным рассмотреть его с точки зрения того, какие соображения может языковед предложить историкам для его интерпретации. Они касаются двух моментов: грамматики этого словосочетания и возможного семантического объема лексемы *here*.

В отрывке, повествующем о примирении между сторонами конфликта, упоминаются суммы, выплаченные немцами новгородцам:

*'dat kostede uns .XX. stucke de wi vorloueden solcken heren van Nogarden. vnn och den roperen **bi der heren rade**. den wi louede louet hadden* (приводится по изданию: Napiersky Nr. 75).²⁶

Для однозначной трактовки словосочетания с точки зрения грамматики и синтаксических отношений необходимо обратиться к оригиналу или иметь точную транскрипцию немецких форм. Дело в том, что в средневековых рукописях латинского письма очень часто недописывались последние слоги и не прописывались носовые согласные (назализация) и -г-. Именно окончания слов несут основную грамматическую информацию, причем в данных нижненемецких формах *der/dem* и *heren* именно разница между конечными носовыми и -г- имеет принципиальное значение. Форма артикля *der* возможна для женского рода в единственном числе, либо для родительного падежа всех родов во множественном числе. Поскольку в женском роде с ним не могут согласоваться ни *here*, ни *rad*, относящиеся к мужскому роду, то возможна только версия множественного числа. Напомним, что вся тяжесть решения лежит на одном маленьком факте: точно ли соответствует транскрипция Напьерского написанию последней буквы этого служебного слова в грамоте? Следует отметить, что, как правило, транскрипции в многотомных изданиях немецких грамот неточны в передаче мелких деталей написания, так как готовились для нужд исторической науки. Сообщество германистов-языковедов по этой причине не признает их материал достаточно надежным для лингвистических

²⁵ В обсуждении смысла этого выражения, начатом А.И. Никитским (*Никитский А.И.* Очерки из жизни Великого Новгорода. I. Правительственный совет. / ЖМНП. 1869. Т. CXLV. № 9-10.) и В.О. Ключевским (*Ключевский В.О.* Боярская дума. М., 1892, репринт 1994 г.), приняли участие В.Л.Янин, а также немецкие ученые К.Онаш, Й.Лойшнер, К.Цернак, К.Герке (*Onasch K.* Großnowgorod und das Reich der heiligen Sophia. Kirchen- und Kulturgeschichte einer alten russischen Stadt und ihres Hinterlands. Leipzig, 1969; *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens 107.) Berlin, 1980; *Zernack K.* Die bürgerstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veche. / Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I. Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, 33. Wiesbaden, 1967; *Goehrke C.* Groß-Novgorod und Pskov-Pleskau. / Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. I: Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Stuttgart, 1980). В конце минувшего столетия интерес к проблеме возник вновь (см. *Гранберг Ю.* Совет господ Новгорода в немецких источниках. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 78-87).

²⁶ *Napiersky K.E.* Russisch-livländische Urkunden. St.Petersburg, 1868.

исследований. К счастью, интересующая нас грамота оказалась в поле внимания лингвистов, работавших в течение прошлого десятилетия над проектом «Атлас средненижненемецких городских койне»,²⁷ для которого использовались только оригинальные грамоты. Письмо 1331 г. не вошло в корпус атласа, но лингвистически точная транскрипция, указывающая все детали написания, была сделана:

mer dat costede. vns. xx. stucke de wi vor louede(n) solcke(n) / here(n) va(n) Nogarde(n). vn(de) och de(n) ropere(n). bi der here(n) rade . de(n) wi louet hadden.

и в ней ясно видно, что окончание слова *here(n)* (как и все конечные носовые) не прописано, но ясно из назализации,²⁸ а в написании артикля Напьерский был точен, и этот артикль, следовательно, не может относиться к слову *rade*, а только к слову *here(n)*, действительно стоящему во множественном числе. Все это означает, что *here(n)* и *rade* не образуют желаемого единства (не являются композитом), а *rade* употреблено без артикля, что не позволяет видеть в нем обозначение известного органа власти. Конструкцию *bi rade*, без артикля, скорее следует понимать в значении «по рекомендации».

Остается вопрос, кто такие эти господа, которые посоветовали выплатить обещанную сумму *de(n) ropere(n)* (глашатаям)? Для выяснения значения слова *here* обратимся к данным словарей и у показаниям контекстов, в которых это слово употребляется в грамотах корпуса.

Как в ниже- так и в верхненемецком слово (сннем. *hêre*, свнем. *hêrre*, *herre*) весьма частотно и встречается в разнообразных контекстах как в юридических текстах, так и за пределами интересующих нас жанров официально-делового стиля. Уже в древний период развития обоих языков отмечается развитие у него различных значения, связанного с социальным статусом обозначаемого лица: двнем. *hêrro*, *hero* и дсакс. *herro* «господин».

Это существительное представляет собой субстантивированную форму сравнительной степени прилагательного: ср. двнем. *hêriro*, *hêrôro*, прилагательное со значением «старейший, стоящий выше», на основе которого и развилось затем субстантивное значение ‘господин, правитель’. О древности германского социального термина ‘господин, правитель’ свидетельствует связь этимологизируемого для него исходного значения «старый (поседевший), почтенный, важный» при его этимологическом родстве по корню с русским прилагательным *серый*. Первоначально речь шла о высоком статусе, который соответствовал преклонному возрасту в древнем обществе. В результате дальнейшего семантического развития в более поздние эпохи на

²⁷ Проект ‘Atlas mittelniederdeutscher Schreibsprachen’ под руководством Р.Петерса (Мюнстер) и И.Резлер (Росток).

²⁸ При транскрипции назализации раскрывают, но заключают восстановленную букву в скобки.

основе изменения исторических и социальных критериев для определения высокого статуса, слово могло обозначать высокопоставленных лиц в различных иерархических системах, в особенности церковной, находя таким образом использование в специфических контекстах в значении «представитель аббата, настоятель монастыря, аббат». В этих значениях первоначально исконно германские социальные обозначения двнем. *hërro*, *hero* и дсакс. *herro* принимают на себя роль немецких соответствий латинским терминам *prior* «приор, настоятель», а также, кстати, и *senator* «служащий, член совещательного органа при короле (в эпоху Каролингов), судейский чиновник, шеффен» (ср. лат. *senatus et plebs* = Rat und Gemeinde).²⁹

В обоих языках отмечается употребление в качестве титула при обозначении людей, занимающих высокое положение в различных иерархиях: лиц аристократического происхождения, представителей судейского звания или духовного сословия. Семантическая дифференциация приводит к развитию значений «господин, владыка, Господь». В качестве отдельного выделяется также значение «владелец».

Кроме того, в обоих языках наблюдается выделение особого фонетического варианта с усеченной, ослабленной формой свнем. *hêr*, *her* и снем. *her*, употребляющейся в качестве формы вежливого обращения или упоминания при фамилии (имени) человека (ср. современное «господин NN»). Особо оговаривается для этой лексемы возможность выступать в удвоении *here her*, то есть образовывать конструкцию из обоих своих вариантов, полнозначного и десемантизированного этикетного.

Как мы видим, данная лексема, к сожалению, не обладает достаточно определенной семантикой, она способна обозначать целый ряд близких по значению понятий, большинство из которых относятся к сфере социальных наименований. Все это делает контексты с существительным *her/ here* в грамотах из ганзейско-русского корпуса трудными для точного определения той характеристики лица, которую могли иметь в виду переводчики русских текстов на нижненемецкий язык. Иными словами, можно сказать, что данный социальный термин (и его вариант – вежливая этикетная форма) не дает интерпретатору текста точного указания на профессиональную либо социальную характеристику лица; напротив, чтобы определить его точное значение, нужно уже иметь знание о контексте и реальном фоне.

Этот вывод о семантической природе лексемы *here* в системе (нижне)немецкого языка в целом неблагоприятен для задач изучения социальных институтов Новгорода по

²⁹ *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen, 1974. S. 82; *Holthausen F.* Altsächsisches Wörterbuch. Köln-Graz, 1967. S. 33; *Lübber A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Darmstadt, 1990. S. 143; *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Stuttgart, 1992. S. 87; *Mittellateinisches Glossar.* Habel E., Gröbel F. (Hrg.) Paderborn- München- Wien-Zürich, 1989. S. 309, 360.

данным ганзейских текстов. Тем не менее обратимся к свидетельствам текстов и попытаемся выяснить, как данная лексема ведет себя, будучи помещенной в синтагматические отношения и в конкретный контекст.

Материал ганзейских грамот показывает, что лексема *here, her* может входить в различные синтаксические конструкции, среди которых можно выделить пять основных типов. Рассматриваемая лексема может выступать:

1. в сочетании с именем лица и указанием города, из которого приехало данное лицо;
2. в сочетании с именем лица, указанием города и указанием на профессию или должность;
3. в сочетании с одним лишь указанием на профессию или должность;
4. в одиночном употреблении;
5. в одиночном употреблении в обозначении календарной даты.

Рассмотрим каждую из этих групп примеров.

1. Конструкция в сочетании с именем и указанием города встречается довольно регулярно в перечислении послов в начальной и заключительной частях договорных грамот. Поскольку перечисляемые лица упоминаются в этих текстах в своем официальном качестве – в роли членов миссии, – отсутствие при именах дополнительного указания на их положение или должность может объясняться тем, что этим указанием является слово *her*, которое в данном случае обозначает положение (профессию, официальное качество) указанного лица. Следовательно, слово *her* в данном случае не имеет постоянного значения, а определяется по историческим данным о названном лице. Например, Иоганн Нибур в 1392 г. предположительно был ратманом, следовательно, слово употреблено в данном контексте именно в этом значении, которое, кстати, отвечает его традиционной семантике в немецком языке (ср. *Ratsherr* «член магистрата, ратман»).

1338: *...van over she van lubeke her marc wort van kosvelde van Gotlande...*

...из заморских (городов) от Любека Маркварт ван Косфельд...

1392 L: *Her Johan Nyebur van Lubek...e*

Ратман Иоган Нибур из Любека – или: «от Любека».

1392 R2: *Hir is gekomen her Johan Neibur van Lubeke...*

Сюда приехал ратман Иоган Нибур из Любека...

1392 L2: *Hir ys gekome(n) her Johan nybur van lubeke...*

Сюда приехал ратман Иоган Нибур из Любека...

2. Этикетность употребления титула *her* отчетливо видна в случаях, когда профессия или статус того же лица уже обозначены другим словом. В приведенных ниже примерах можно для наглядности передать снем. *her* русским сокращением «г-н» (в

отличие от полнозначного нарицательного *here* «господин, правитель, владелец»). Группу этих конструкций можно разделить на две подгруппы:

а) группы, в которых указание на профессию или должность стоит перед именем лица:

...*Dudesche boden: van Derpte borgermestere her Tyman Herken...* (Д 1466)

...немецкие послы: от Дерпта (или «от города Дерпта») – бургомистр г-н Тиман Геркен...

б) группы, в которых указание на профессию или должность следует за именем лица:

van Darpte her Tideman Vos, borgermeister (Д 1436)

из Дерпта – г-н Тидеман, бургомистр...

...*van Darpte her Godike Wantschede borgermeister und her Clawes Loeff radman, van Reval her Johan Zuper und her Otto Mestorp radmanne* (Д 1466)

от Дерпта – г-н Годике Вантшеде, бургомистр, и г-н Клаус Лофф, ратман, от Ревеля – ратманы г-н Иоган Зупер и г-н Отто Месторп...

Об этикетной функции слова *her* в этой конструкции говорит, помимо самой сокращенной (апокопированной) формы этого слова, то, что оно образует тесную синтаксическую связь с именем (*her Tyman Herken*), тогда как обозначение конкретной должности человека (*borgermester, radman*) или его временного функционального статуса (*bode* «посол») оттесняется на более удаленную позицию, занимая место слева по отношению к этому синтаксическому комплексу (примеры группы «а») или становясь справа, после него, в качестве приложения (примеры группы «б»).

в) От групп 2а, 2б отличаются конструкции, включающие упоминание архиепископа Новгородского. В этом случае указание на его сан не может быть опущено, однако, поскольку употребление этикетного варианта *her* «г-н» с лицами духовного звания вряд ли возможно, остается предположить, что слово *here* (в полной форме) в данном случае может замещать русский термин «владыка», ср.:

1436: *to deme hilghen heren ertzbisscobe van Groten Naugarden, Effimie*

1448: *vor den here ertzebisschopp*

1550: *genomeden Heren Ertzebisschop vnd Bisschop.*

Если это предположение, основанное на сходстве с русским титулом данного лица, верно, то следует признать, что семантика слова в этом случае определяется из контекста.

3. Употребление слова *here* без имени лица, с одним лишь названием профессии / должности, является, скорее всего, этикетной вежливой формой. К этой группе возможно, относятся:

а) сочетание с существительным *sendebade* «посол»:

de heren sendebaden в отчете посольства 1510 г. (*dar de heren sendebaden... sulvest mochten horen unde weten, wo idt utgetolket worde...* «так что господа послы могли слышать и узнать, как это было переведено» [HR, III-5, Nr. 541, S. 650]);

б) сочетание с существительным *meister* «магистр (Ордена):

... *den herenn meister unde gantze Lyffland...* (тот же отчет 1510 г).

4. Интересные случаи употребления слова *here* содержат пометы (дорсальные записи) на листах нижненемецких рукописей Нибурова мира: она заканчивается указанием на местонахождение оригинального русского договора немецкой стороны: грамоту с печатями хранят на Готланде:

R1: ... *holden de heren van Godlande* ...

Практически идентичную запись на обороте рижской рукописи цитирует Валк:

[Riga]: ..*holden de herren van Gotlande*.

Кроме того, мы располагаем таким же свидетельством, записанным на обороте рукописи L. Она идентична двум другим по содержанию, но выполнена на латинском языке, что позволяет установить значение немецкого выражения *de heren van Godlande*:

L: .. *sub custodia consulatus Gotlandie...*

Латинский эквивалент *consulatus* не оставляет сомнения в том, что речь идет о городском магистрате (Висбю) и что *heren* в немецких записях обозначает ратманов, членов магистрата в собирательном смысле, то есть магистрат.³⁰

5. Особняком стоит конструкция «от рождества Господня», где слово *here* также обладает постоянной устойчивой собственной семантикой и употребляется в значении «Господь», чаще всего в формуле *actum et datum*:

dat disse dinch ge en=/dighet worden dat scach na der bort vnses heren · M · iar · CCC iar in dem XLII · iare · in tweleften daghe/

«... а решены были эти дела в лето от рождества Господа нашего тысяча триста сорок второе, на двенадцатый день...»

Анализ контекстов показал, что значительная доля употреблений относится к сфере речевого этикета и не несет конкретной информации, характеризующей социальные институты или официальных лиц, упомянутых к ним (это касается групп 2а, 2б и 3). В примерах из группы 2в речь идет об архиепископе Новгородском, слово *here* можно

³⁰ Одиночное употребление слова *here* встречается и при упоминании московского князя и относится к позднему периоду ганзейской торговли в Новгороде. В этом случае оно несомненно выступает как полнозначная лексема, имеющая постоянное значение, близкое к исконному значению «господин, владыка, правитель»: **1487:** ...*na des grothen herenn bovelinge*, ... «...по повелению великого [государя]...». Этот случай интересен сам по себе, однако он лишь косвенным образом относится к теме социальных институтов Новгорода, и мы оставляем его в стороне.

понимать как эквивалент русскому «владыка», то есть как обозначение высшего лица в иерархии, в данном случае церковной. Такой характер употребления логичен с точки зрения задач перевода с древнерусского языка. С другой стороны, оно соответствует той семантике немецкой лексемы, которая присуща ей в ее исходных, немецких культурных контекстах: в нем реализуется старое значение «аббат, представитель церковного института», зафиксированное словарями. Для группы 1, а в еще большей степени для группы 4, удалось установить вполне определенное значение, связанное с социальной тематикой. Лексема в единственном числе обозначает, очевидно, ратмана, члена магистрата, форма же множественного числа употреблена в приведенных случаях собирательно и обозначает городской магистрат. При этом следует обратить внимание на то, что относительно группы 2в можно определенно сказать, что она отражает обозначение институтов власти Новгорода лексическими средствами нижненемецкого языка. В группе 4, напротив, слово *heren* относится к сфере социальных институтов ганзейских городов, а не Новгорода, однако на ее материале удалось уточнить конкретную референцию термина (члены коллективного органа власти или, в плюралисе, сам этот орган власти), и эта информация может оказаться полезной при анализе контекстов, содержащих высказывания о социальных институтах Новгорода. Нетрудно заметить, что именно эта группа примеров более всего походит на рассмотренный выше контекст из письма 1331 г.